

«ТАНЯ. ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ»

ЕЛЕНА ЧОУ

18+

Елена Сноу

Таня. Двойная жизнь

<https://litres.ru/73980886>

SelfPub; 2026

Аннотация

Петербург, 1999. Днём Таня — отличница философского. Вечером — эскорт. Два пакета в рюкзаке: конспекты по Канту и кружевное бельё. Она не прошла на бюджет, и Алиса дала ей шанс: триста долларов в семестр, никаких эмоций, только контроль.

Но однажды чей-то взгляд замечает трещину между «там» и «здесь». И мир, разделённый надвое, начинает рушиться.

Это не история падения. Это история о цене выживания — и о том, можно ли собрать себя заново, если годами учился не чувствовать.

В книге: роман (12 глав), терапевтический дневник с вопросами, стихотворный цикл и послесловие психолога.

Для тех, кто когда-либо жил двойную жизнь.

Содержание

Предисловие автора	4
Часть I. Двойная жизнь	5
Глава 1. Там, где я перестаю быть собой	5
Глава 2. Подруга, которая не спасёт	10
Глава 3. Тело, которое ничего не чувствует	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Елена Сноу

Таня. Двойная жизнь

Предисловие автора

Я не спасаю Таню. Я не осуждаю её. Я просто даю ей слово — и иду рядом, пока она учится не прятаться.

Эта книга написана от первого лица. Всё, что вы почувствуете, читая её, — правда тела, а не оценка морали. Если вам когда-нибудь казалось, что вы живёте две жизни, — возможно, вы встретите здесь себя.

Действие происходит в Петербурге конца девяностых. Это важно. Время, когда шанс на будущее иногда оплачивался тем, о чём не принято говорить. Я старалась передать дух эпохи — не через ностальгию, а через детали, запахи, звуки.

Таня не ищет вашего сочувствия. Она просто делает то, что должна.

Елена Сноу

Часть I. Двойная жизнь

Глава 1. Там, где я перестаяю быть собой

*Я иду по мосту. В рюкзаке
два пакета. В одном —
Кант, сорок страниц, прошитых
степлером в трёх местах. Во втором
— кружево, размер меньше моего
настоящего.*

Сентябрь 1999 года

Утро пахнет мокрым асфальтом и прелыми листьями. Я иду по мосту. Вода внизу чёрная, тяжёлая, как масло. Солнце низкое, но пока греет — по-осеннему, слабо, как через двойное стекло. С Финского залива дует ветер — не холодный ещё, но уже настойчивый, пробирается под шарф, трогает ключицы. Я не ускоряю шаг. Я никогда не ускоряю шаг на мосту. Так надо.

В рюкзаке два пакета. В одном — конспект по истории философии, тридцать страниц, прошитых степлером. Во втором — бельё. Кружевное, узкое, на размер меньше моего настоящего. Я заворачиваю его в отдельный пакет, всегда один и тот же, плотный, из книжного магазина на Литейном. Он

серый, не прозрачный. Это важно.

Я проверяю шов пальцами — привычка, уже автоматическая. Провожу по краю, от уголка к уголку. Шов целый. Если когда-нибудь он разойдётся, конспект и бельё встретятся. Я знаю это. Но белью всё равно.

Я прохожу мост до середины. Здесь ветер сильнее — дует с залива, но пока не холодный, просто свежий. Пахнет водой и ржавчиной. Я не ускоряю шаг. Я никогда не ускоряю шаг на мосту. Так надо. Утром я иду на пары — медленно, ровно. Вечером я иду на встречу — тоже медленно, тоже ровно. Между ними — мост. Я перехожу его дважды в день. Это мой шлюз.

В прошлом году я не прошла на бюджет. Стояла у списков в коридоре приёмной комиссии, водила пальцем по строчкам — моей фамилии не было. За окном был август, жара, на Невском пахло жареными пирожками и соляжкой. Мама ждала звонка. Я вышла на улицу, села на скамейку у входа. Час. Потом в буфете встретила Алису. Мы разговорились в очереди. Она была старше, яркая, пахла духами — приторными, сладкими. Спросила, что случилось. Я сказала. Она кивнула, достала из сумки ручку, написала номер на бумажной салфетке. «Если захочешь остаться в Питере — позвони. Это шанс». Я позвонила через неделю.

Сегодня пятница. В пятницу у меня семинар по философии в десять, а в восемь вечера — клиент в отеле на Васильевском. Я успеваю и туда, и туда. У меня всегда есть запас.

Я рассчитываю время с точностью до минуты. Это работает. И пока это работает, вопросов нет.

На середине моста я останавливаюсь. Это тоже часть правила. Кладу руки на перила. Чугун ещё не ледяной — сентябрь, — но уже холодный. Где-то внизу идёт вода. Тяжёлая, чёрная, беззвучная.

В боковом кармане рюкзака — конверт. Триста долларов. Плата за семестр.

Мама не знает. Я сказала ей, что поступила на бюджет и получаю стипендию. Она заплакала. Первый раз за много лет. Я стояла и смотрела, как слёзы текут по её щекам. Молчала.

В кармане пальто — пейджер. Маленький, чёрный, Motorola. Экран показывает время: девять тридцать две. Вчера Алиса скинула сообщение — адрес отеля на Васильевском и время: «20:00». Я не могу ответить на пейджер. Чтобы подтвердить, нужен телефон-автомат. Я найду его после пар.

Я убираю руки с перил. Вода течёт. Мост стоит.

Поправляю шарф — он новый, серый, куплен в сентябре на рынке у метро «Василеостровская», — и иду дальше. Рюкзак висит ровно, лямки не давят. Мост кончается. Я схожу с него. До корпуса семь минут.

У входа в университет висит расписание. Бумажка за стеклом, уголок загнулся. Я пробегаю глазами: аудитория 203, второй этаж. До пары ещё есть время. Я вхожу внутрь.

В вестибюле пахнет хлоркой и старой бумагой. Лампы дневного света гудят, одна моргает — часто, с тихим цоканьем, как пейджер. Студенты толпятся у гардероба, галдят. Слышны обрывки разговоров: про сериал «Скорая помощь», про новых «Иванушек», про то, что в буфете кончились нормальные бутерброды, остались только с маргарином. Из приёмника на вахте тихо играет «Руки вверх» — про студентку, которая уезжает на каникулы.

Я снимаю пальто. Вешаю на крючок. Рюкзак оставляю при себе. Я никогда не сдаю его в гардероб. Правило.

Поднимаюсь по лестнице. Ступени стёртые, бетонные, с железными набойками на краях. Перила деревянные, тёплые от чужих ладоней. Стены выкрашены в зелёный до середины — старый советский стандарт, — выше побелка, местами облупленная. Я иду медленно. До пары ещё десять минут.

В аудитории пусто. Пахнет мелом и мокрой тряпкой. Я сажусь на крайний ряд, у окна. Достая конспект. Ручку — простую, синюю, с обгрызенным колпачком. За окном — крыши, небо, ветка тополя. Листья зелёные, с желтизной по краям.

Глава 2. Подруга, которая не спасёт

— Ты удобная,

— сказала она.

— Удобных не
бросают.

Я запомнила.

Я всегда

запоминаю.

Сентябрь 1999 года

Мы встретились в кофейне на Васильевском, между парами. Шёл дождь — мелкий, сентябрьский, почти тёплый. Трамваи шли редко. Я вышла с запасом.

Алиса сидела у окна, спиной к залу, и пила капучино из высокой чашки. Она заказала его у парня в переднике поверх толстовки, и он уточнил: «Большой или маленький?» Алиса сказала: «Большой». Когда я вошла, она не обернулась. Она смотрела в телефон — Siemens, тяжёлый, с выдвижной антенной, — нажимала кнопки. Ноготь был длинный, покрытый тёмно-красным лаком. На безымянном — кольцо, тонкое, золотое. Не её стиль. Может, подарок. Может, забыла снять после встречи. Я не спросила.

В кофейне пахло растворимым кофе и корицей. На стене висели круглые часы. Они тикали громко, на всё помещение. За соседним столиком две женщины обсуждали цены

на гречку. У одной в ухе — крупная серьга, золотая, с красным камнем, и когда она поправляла волосы, серьга звякала о трубку телефона-автомата, висевшего тут же, на стене. Звук был тонкий, металлический, как у дешёвого будильника. Я повесила пальто на крючок, села напротив. Алиса подвинула мне чашку. Американо, без сахара.

— Ты опоздала на четыре минуты, — сказала она, не поднимая глаз от экрана.

— Трамвай стоял на мосту.

— Врёшь. Ты пешком ходишь. Ты говорила.

Я не ответила. Отпила кофе. Он был горячий, обжигал нёбо. Я не поморщилась.

Алиса отложила телефон экраном вниз и посмотрела на меня. У неё были светлые волосы, уложенные в низкий пучок, и брови, выщипанные в тонкую линию. Ей было двадцать три. Лицо спокойное, сытое, как у человека, который давно перестал ждать сюрпризов.

— Как прошло в четверг? — спросила она.

В четверг у меня был клиент. Пожилой, молчаливый, в дорогом костюме. Он заплатил ровно, без торга, и ушёл раньше времени. Я не запомнила его лица. Я никогда не запомнила лиц.

— Нормально, — сказала я.

— Нормально, — повторила Алиса с усмешкой. — Ты всегда говоришь «нормально». Можно подумать, ты не в постели с мужиком, а сдала зачёт по физкультуре.

Я отпила ещё кофе. Горячо. Нёбо уже онемело.

Алиса достала из сумки пачку сигарет — «Parliament», мягкая пачка, — повертела в пальцах, но закуривать не стала. Здесь не курили, висела табличка. Она постучала пачкой по столу. Раз, другой. Потом убрала обратно.

— Слушай, есть клиент на субботу. Молодой. Нервный. Но платит хорошо. Очень хорошо. Я бы сама взяла, но он просит... — она сделала паузу, — ...тихую. Сказал, не любит, когда болтают. Я сразу про тебя подумала.

— Хорошо, — сказала я.

— Правда? Без вопросов? Без «а что за тип»?

— Ты сказала: платит хорошо. Этого достаточно.

Алиса засмеялась. Смех у неё был короткий, сухой, как кашель. Она откинулась на спинку стула и посмотрела на меня с любопытством.

— Ты странная, Таня. Ты вообще ничего не спрашиваешь. Ни про цену, ни про условия, ни про то, что он любит. Тебе правда всё равно?

Я пожала плечами.

— Какая разница?

— Работа есть работа, — передразнила Алиса. — Ты хоть раз называла это работой при ком-то? Кроме меня?

Я не ответила. Я посмотрела на свою руку, сжимавшую чашку. Короткие ногти, заусенец на указательном пальце — я сгрызла его утром, пока ждала звонка от Алисы. Чужая рука. Эта рука будет делать всё, что нужно. Я разрешу ей.

Алиса наклонилась вперёд, поставила локти на стол. Кофе в её чашке давно остыл, пенка осела, но она не пила.

— Ты думаешь, это можно отделить? Вот ты сидишь здесь, студентка, отличница, пьёшь американо. А вечером поедешь в отель. И ты правда считаешь, что это две разные женщины?

Я смотрела на неё. Глаза у неё были светлые, почти прозрачные. Ни злости, ни участия. Только любопытство.

— Это я, — сказала я. — Там — я. Здесь — я. Просто по-разному.

— Просто по-разному, — повторила она. — Ну-ну.

Она отвернулась к окну. За стеклом шёл дождь. Прохожие прятались под зонтами, перебегали дорогу, поднимали воротники. Дождь усиливался.

Алиса вдруг сказала, не оборачиваясь:

— Я первая узнала, что такое деньги. Не от родителей. Не от парня. Сама. Мне было семнадцать, он был взрослый, заплатил пять тысяч. Пять тысяч. Я купила духи и туфли. И знаешь что?

Я молчала.

— Туфли давно выбросила. А духами пользуюсь до сих пор. — Она повернулась ко мне и улыбнулась — широко, но глаза остались прежними. — Вот так и живём. Туфли — в мусор, запах — на кожу.

Она подозвала официанта, попросила счёт. Я полезла за кошельком, но Алиса махнула рукой:

— Я плачу. Ты же на мели. Вечно на мели, хоть и работаешь.

Мы вышли на улицу. Дождь хлестал по жестяному козырьку. Алиса раскрыла зонт — красный, яркий, с надломанной спицей, которая оттопыривалась вправо, делая его похожим на раненую птицу. Единственное цветное пятно на всей улице, и то дефектное. Я заметила это. Ничего не сказала.

Она шагнула ближе, под край зонта, и поправила мой воротник — резким, почти материнским жестом. Я почувствовала запах её крема для рук — аптечного, с мочевиной, которым пользуются те, кто моет руки по двадцать раз на день. Запах был слабый, медицинский.

— В субботу в восемь. Адрес скину на пейджер, — сказала она. — И не опаздывай. Нервные клиенты — самые непредсказуемые.

— Я не опаздываю, — сказала я.

— Знаю. — Она отпустила мой воротник. — Поэтому и предлагаю тебе. Ты — удобная. Запомни это. Удобных не бросают. Удобным платят.

Она развернулась и пошла в сторону метро. Красный зонт покачивался над толпой, удаляясь. Сломанная спица всё ещё оттопыривалась. Я смотрела ей в спину, пока зонт не скрылся за поворотом.

Я осталась стоять под козырьком. Капли стекали по жестяному откосу ровными струйками. Одна за другой. Я по-

правила лямку рюкзака и пошла на трамвай. До пар ещё сорок минут. Я успевала. Как всегда.

Глава 3. Тело, которое ничего не чувствует

*Раз. Два. Три.
Горячая вода.
Кожа краснеет.
Я не
чувствую.
Я считаю.*

Сентябрь 1999 года

В субботу я вышла из дома в семь. До отеля на Васильевском двадцать минут пешком. Можно было трамваем, но трамвай означал ожидание на остановке под фонарём. Пешком — надёжнее. Шаги отмеряли время точнее колёс.

Алиса скинула адрес на пейджер утром: «ВАС 8 20:00». Василеостровская, дом восемь, восемь вечера. Я прочитала сообщение. Оделась и вышла.

Отель был старый, советской постройки, с облупленным фасадом и тусклой вывеской «Выборгская». Внутри пахло хлоркой и сырой штукатуркой. Администратор за стойкой — пожилая женщина в вязаной жилетке — подняла глаза, скользнула по моему лицу и опустила обратно. Я прошла мимо. Она ничего не спросила. Здесь не спрашивали.

Я подошла к лифту. Двери были старые, с деревянной отделкой, лак на кнопках стёрт до металла. Я нажала «четы-

ре». Кабина дёрнулась и медленно поползла вверх. В лифте пахло дешёвым освежителем — «Лесной букет», — и запах этот был таким густым, что перебивал всё остальное. Я не смотрела в зеркало. Просто не смотрела.

Двери открылись. Коридор был длинный, серый, с ковровой дорожкой, протёртой до основы. Лампы горели через одну. Я шла, считая номера. 402. 404. 406. Вот он.

Я постучала. Тишина. Потом шаги. Дверь открылась.

Клиент был молодой — моложе, чем я ожидала. Лет двадцать пять. Тёмные волосы, чуть влажные после душа. Белая рубашка, верхняя пуговица расстёгнута. Он смотрел на меня быстро, дёргано, переводя взгляд с лица на руки, на плечи, снова на лицо. Пальцы левой руки постукивали по дверному косяку — без ритма.

— Таня? — спросил он. Голос был тихий, чуть сиплый.

— Да, — сказала я.

Он отступил, пропуская меня. Я вошла.

Номер был стандартный: двуспальная кровать, застеленная бельём с бледным штампом гостиницы в углу, стол у окна, кресло с потёртыми подлокотниками, старый телевизор на тумбе. На столе — бутылка вина и два бокала. Один уже был наполовину пуст. Второй чистый. Рядом — пепельница, полная окурков. Шторы задёрнуты, хотя за окном ещё не стемнело. От настенного бра с треснувшим плафоном шёл желтоватый свет. Бра жужжало. Тихо, на одной ноте, как комар. Этот звук ровно ложился под его дыхание.

Я повесила пальто на спинку стула. Поставила рюкзак на пол. Он не спросил, что внутри. Никто не спрашивал.

— Вина? — спросил он.

— Нет.

— Совсем?

— Я не пью на встречах.

Он кивнул. Налил себе ещё. Рука чуть дрожала. Вино плеснулось о край бокала. Красная капля упала на белую скатерть. Он посмотрел на неё. Ничего не сказал.

Я села в кресло. Он остался стоять у стола, держа бокал двумя руками, как греют чай. Я смотрела на него ровно. Без ожидания. Без любопытства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.